

И. В. ИЛЬИН

НОВЫЙ ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ «ДЕКАБРИСТСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА»:
ЗАПИСИ А. В. СЕМЕНОВА В ЗАПИСНОЙ КНИЖКЕ,
ПРИНАДЛЕЖАЮЩЕЙ СЕМЕЙСТВУ Ф. П. ЛЬВОВА (1821 г.)

В коллекции известного физиолога, собирателя исторических документов, члена-корреспондента Императорской Академии наук, профессора Санкт-Петербургского университета И. В. Помяловского (1845—1906) сохранился любопытный памятник рукописной культуры 1820—1830-х годов, атрибутированный как «вашиная книжка» Ф. П. Львова.¹ Атрибуция «совершенно неизвестного додела» источника принадлежала историку литературы и библиографу Д. И. Абрамовичу (1873—1955), который составил опись коллекции документов, собранной И. В. Помяловским. Опись была опубликована в 1914 г.² В основу атрибуции Д. И. Абрамовича, очевидно, были положены сведения, имеющиеся у И. В. Помяловского. Вероятнее всего, это были данные, поступившие к владельцу коллекции вместе с самой «вашиной книжкой». Прямых указаний на принадлежность Ф. П. Львову источник не содержит. Сведения о принадлежности исторического памятника семейству Львовых, отраженные в описи Д. И. Абрамовича, подтверждаются адресацией первой записанной в книжку записи — стихотворения, посвященного супруге Ф. П. Львова Елизавете Николаевне («Лизаньке»), а также письмом к «сыну Алексею» (А. Ф. Львову).³

¹ ОР РГБ. Ф. 608 (Собрание И. В. Помяловского). Оп. 2. Д. 78.

² Каталог собрания рукописей профессора И. В. Помяловского, ныне принадлежащих Императорской Публичной библиотеке // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1907 год. СПб., 1914. С. 43—48 (2-й паг.). В каталог включены краткие выдержки из некоторых записей книжки Д. И. Абрамович опубликовал также специальную статью, посвященную анализу содержания значительной части записей: *Абрамович Д. И.* Записная книжка Ф. П. Львова (К истории политических и общественных настроений в России в первой четверти XIX в.) // Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко. СПб., 1913. С. 219—224.

³ ОР РГБ. Ф. 608. Оп. 2. Д. 78. Л. 1. В начале «вашиной книжки» имеется помета: «Другому моему от мезя. 15 декабря 1819» (Л. 2 об.). Срв. Каталог собрания рукописей профессора И. В. Помяловского. С. 44. Согласно утверждению Д. И. Абрамовича, в записной книжке имя Ф. П. Львова нигде не найдено, но почерк, несомненно, его; к нему же от-

Федор Петрович Львов (1776—1836) — двоюродный брат известного архитектора, литератора и музыканта Н. А. Львова. Через последнего он был связан родственными узами с Г. Р. Державиным и В. В. Капнистом. Представитель разветвленного и многочисленного семейства, к которому принадлежали выдающиеся деятели российской науки и культуры XVIII—XIX вв., государственные мужи, крупные чиновники, известные мемуаристы, Ф. П. Львов также соединял государственную службу с трудами музыканта, композитора и литератора-стихотворца. В конце XVIII в. он служил в Тайной экспедиции вплоть до ее закрытия, а затем — в Комиссии составления законов, под началом М. М. Сперанского. Львов принадлежал к его ближайшему окружению. В 1810-е годы Львов — помощник статс-секретаря Государственного Совета, состоял при А. А. Аракчееве, а к концу жизни — влиятельный государственный чиновник, имевший чин тайного советника, с 1826 г. занимал одновременно пост директора Придворной Певческой капеллы. Из членов его многочисленной семьи более всего известен А. Ф. Львов, автор гимна императорской России, композитор, сменивший отца на посту директора Певческой капеллы.⁴

«Записная книжка» представляет собой объемистый том в твердом красном сафьяновом переплете с золотым обрезом, бумаги, в $\frac{1}{4}$ долю листа, отдельные страницы снабжены водяным знаком «1812». Имеющиеся в книжке записи охватывают хронологический период с 1819 по 1831 г. Следует отметить, что «записная книжка» заполнялась как с начала, так и с конца. Записи с одной стороны датированы 1819—1820 гг., 1829 и 1831 гг., с конца — 1821 и 1823 гг.

Ценность этого своеобразного исторического памятника достаточно велика: он содержит записи, представляющие несомненный интерес по характеру и тематике отраженной информации. Особое значение данному источнику придает то обстоятельство, что большинство записанных записей посвящено вопросам государственного права, других «политических наук» и имеет ярко выраженную актуальную политическую окраску. Лишь немногие записи носят интимный, семейный или бытовой характер.

В записях непосредственно затрагиваются проблемы государственного устройства, история Французской революции и последующие события в Европе первых десятилетий XIX в.; они касаются актуальных политико-правовых вопросов. Здесь можно обнаружить выписки из сочинений политических мыслителей (Д. Прадта), сравнение положения Франции во время революции и в период правления Наполеона, разбор политических событий в Испании в 1810-е годы, заметки о народном представительстве и конституционном строе, о революциях, о современном положении России.⁵ Среди записей встречаются боль-

посвяте те автобиографические сведения, какие рассеяны по разным местам книжки (*Абрамович Д. И.* Записная книжка Ф. П. Львова. С. 219).

⁴ См.: *Валинова Е.* Из хроники семейства Львовых // *Русская старина*. 1898. Т. 96, № 12. С. 541; *Абрамович Д. И.* Записная книжка Ф. П. Львова. С. 219.

⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 2. Д. 78. Л. 6 (выписки из «записки генерала Карюта королю»), 8, 10—12 об.

ние по объему текста, представляющие собой выписки из сочинений по политической экономии и государственному праву. Один из такого рода текстов, как можно предположить, является записью лекций или подробными выдержками из учебного пособия по государственному праву, заключающими в себе задачи и основное содержание конституционных проектов.⁶ О характере записей свидетельствуют неоднократно встречающиеся заголовки: «Разные мысли и выписки», «Мысли», «Разные мысли».⁷

Содержание большинства записей показывает, что их авторы живо интересовались политико-правовыми вопросами. Подавляющая часть записей позволяет увидеть в одном из авторов (очевидно, это был один из представителей семейства Львовых) самостоятельное мышление человека, хорошо разбирающегося в современных событиях первых десятилетий XIX в., в различных политических теориях и сочинениях. Многие из принадлежащих ему записей обнаруживают в нем принципиального противника «беспредельного» «самовластного» управления — «деспотизма», симпатизирующего представительной системе и конституционному политическому строю. Его политический идеал — конституционная монархия, образец которой он видит в Англии. Он подвергает критике «правительственное состояние» современной ему России, «исосновательное просвещение», заставляющее предпочитать только «благо собственное», вопреки «общему благу», критически оценивает положение современной России, резко осуждает недостатки управления, «дух самовластия», отсутствие законов, охраняющих права граждан, высказывает отрицательное мнение о внутренней политике Александра I.⁸ Правда, часть записей такого рода может представлять собой фиксацию мнения других лиц или выписки из прочитанного. Но, во всяком случае, многочисленные записки и выписки, помещенные в книжке, в полной мере демонстрируют обостренный интерес автора к политически актуальным вопросам, его симпатии к конституционному государственному устройству и неприятие «дес-

⁶ Там же. Л. 15—44 об. Д. И. Абрамович квалифицировал эту большую по объему записку как «шроток преобразования русского государственного строя», «цельный проект конституции для России», составленный по образцу английской (Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1907 год. С. 48, изложение проекта см. *Абрамович Д. И. Записная книжка Ф. П. Львова*. С. 222—223). Нам представляется, что для такого заключения нет достаточных оснований ввиду характера записки, представляющей собой не стройный законченный конституционный проект, а скорее изложение задач и содержания конституции. Особенно показательным в этом отношении является один из подзаголовков этого текста: «Что такое конституция?» (ОР РНБ. Ф. 608. Он. 2. Д. 78. Л. 42 об.).

⁷ Там же. Л. 2 об., 60 об., 63.

⁸ Там же. Л. 22 об. (запись под заголовком «Выгоды свободы»); Л. 56 об. («О настоящем состоянии народов»); Л. 63 (воображение противником избирательной системы); Л. 65, 75 об. (сравнение различных форм правления). Ср.: Каталог собрания рукописей профессора И. В. Помяловского. С. 45. Д. И. Абрамович полагал, что все эти записки принадлежали Ф. П. Львову (*Абрамович Д. И. Записная книжка Ф. П. Львова*. С. 220—221). Если это так, то они обнаруживают ближайшие элементы политических взглядов сподвижника М. М. Сперанского, позволяют проследить влияние конституционных идей на его ближайшее окружение.

потизма». Сказанное выше свидетельствует о том, что имеющиеся в книжке записи сделаны разными почерками. Следует признать, что «записная книжка» если и принадлежала Ф. П. Львову, то использовалась не только ее владельцем, но также и другими членами его семьи, причем можно сделать уверенное предположение, что авторами значительной части записей были представители молодого поколения семьи Львовых, увлеченные либеральными идеями.⁹

Среди записей, образовавших в «записной книжке» компактный ряд, датированный январем—сентябром 1821 г., обращают на себя внимание две странички, написанные почерком, заметно отличающимся от почерка большинства записей. Эти странички сопровождаются пометой: «писано Алексеем Васильевичем Семеновым».¹⁰ Фигура А. В. Семенова достаточно известна в истории общественного движения 1810—1820-х годов, хотя и не привлекала специального внимания исследователей.

Участник декабристских тайных обществ Алексей Васильевич Семенов (ок. 1799—1864)¹¹ получил образование в Благородном пансионе при Московском университете. Увлеченный патристическими настроениями, он вступает в Кашукское дворянское ополчение и принимает участие в последних сражениях Отечественной войны 1812 г., а затем в заграничных походах русской армии. В 1815 г. он переходит на службу в лейб-гвардии Егерский полк, в котором остается вплоть до выхода в отставку в 1824 г.¹² После возвращения на родину из заграничных походов Семенов сблизился с группой офицеров Генерального штаба, возглавляемой А. П. и П. М. Муравьевыми и получившей известность в исторической литературе под названием «Священная артель». — И. Г. Бурцевым, братьями Петром и Павлом И. Колонинскими.¹³ Очевидно, тесные дружеские связи с некоторыми из них

⁹ Дети Ф. П. Львова, Илья Федорович и Василий Федорович, офицеры лейб-гвардии Иммануиловского полка, причислялись к следствию по делу декабристов по подорожью в участии в тайном обществе, но были официально оправданы (Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 107—108, 280—281).

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 2. Д. 78. Л. 61 об.—62 об. Эта помета не принадлежит автору самой записки. Следует отметить, что Д. П. Абрамовичу не удалось правильно ее прочесть: он сообщил, что записки из этих листов писаны рукой А. В. Семенова (Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1907 год. С. 48). В работе исследователя, специально посвященной «записной книжке», о записях Семенова не говорится. Таким образом, в настоящей статье эти записки впервые вводятся в научный оборот, с указанием на подлинного автора.

¹¹ Но и вблизкие путаницы следует иметь в виду, что в тайных обществах декабристов участвовали трое однофамильцев Семеновых. Помимо Алексея Васильевича, в Союз благодетельный входили офицер лейб-гвардии Иммануиловского полка Петр Николаевич Семюков (1791—1832), отец ученого и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского и государственного деятеля П. П. Семенова, известного своими литературными произведениями, а также Степан Михайлович Семенов (1789—1852), который вместе с А. В. Семеновым состоял в Корпусном Совете Союза Благодетельства, а затем вступил в Северное общество.

¹² Книга с формулярного списка А. В. Семенова // Восстание декабристов: Документы. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии (далее: ВД). М., 2001. Т. XX. С. 384—385.

¹³ Декабристы: Биографический справочник. С. 165. Ср.: Печники М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 124—125.

возникли у него еще во время совместного обучения в пансионе при Московском университете. Таким образом, Семенов вошел в круг офицеров Генерального штаба, которые были подушевлены патриотическими идеями служения Отечеству и все более увлекались либерально-конституционными идеями. В 1815—1816 гг. именно в этом кругу созревал замысел создания политического тайного общества. В числе посетителей артели были лицензисты И. И. Пущин и В. К. Кюхельбекер, которые позднее в своих воспоминаниях назвали Семенова ее постоянным участником.¹⁴ Тогда же Семенов, судя по всему, примкнул к участникам Союза Спасения, а в конце 1817 г., находясь в Москве вместе со сводным отрядом Гвардейского корпуса, вступил во вновь образовавшийся Союз Благоденствия (принят А. Н. Муравьевым).¹⁵

Первоначально Семенов вошел в состав одной из петербургских управ Союза, возглавляемой его ближайшим товарищем И. Г. Бурцевым. Известно, что, помимо него, в эту управу входили Е. П. Оболенский, М. М. Нарышкин, Павел И. Колошин, И. И. Пущин.¹⁶ Постепенно на протяжении 1818—1819 гг. Семенов выдвинулся в число тех офицеров гвардии, которые играли влиятельную роль среди членов Союза Благоденствия: он возглавляет одну из петербургских управ Союза — офицеров лейб-гвардии Егерского полка.¹⁷ Ближайшие товарищи Семенова в эти годы — активные участники Союза И. Г. Бурцев, Павел И. Колошин, И. М. Муравьев, Ф. П. Глинка, И. И. Кутузов, Е. П. Оболенский, И. И. Пущин. Конечно, с ним были непосредственно связаны и сослуживцы по Егерскому полку И. И. Гореткин, А. Ф. Дребуш, В. С. Поров, Ф. П. Панкратьев, А. А. Челищев, А. И. Шляхтинский, входившие в состав управы Союза в полку. О немалой активности Семенова в либеральной среде говорит тот факт, что он не ограничился участием в Союзе Благоденствия и руковождением одной из его управ. Одновременно на правах руководящего члена Семенов вошел в самостоятельное Измайловское общество, состоявшее главным образом из офицеров лейб-гвардии Измайловского полка.¹⁸ Наконец, вскоре после образования Союза, по-видимому в 1819 г., Семенов избирается в управляющий орган тайного общества — Коренной Совет, перейдя в разряд так называемых «коренных», или руководящих, членов.¹⁹

¹⁴ Пущин И. И. Сочинения и письма. М., 1999. Т. 1. С. 60; Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 352. Ср.: Невжина М. В. Священная артель. Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцева 1814—1817 гг. // Декабристы и их время. М.; Л., 1951. С. 157—158.

¹⁵ Пущин И. И., Ильин И. В. Персональный состав декабристских тайных обществ (1816—1826): Справочный указатель // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 28, 39.

¹⁶ Невжина М. В. Движение декабристов. Т. 1. С. 214.

¹⁷ Пущин И. И., Ильин И. В. Персональный состав декабристских тайных обществ. С. 31, 39.

¹⁸ Там же. С. 42—43.

¹⁹ ИД. Т. XX. С. 486 (список членов Коренного Совета), 30 (показание А. Ф. Бриггана).

Таким образом, не будучи основателем Союза Благочестия, Семенов в течение непродолжительного времени занял в тайном обществе достаточно влиятельное положение и оказался одним из его руководителей. Очевидно, этот факт объясняется как его организационной активностью, так и тесными связями с ядром основателей декабристского общества. Помимо этого, Семенов участвует в просветительских инициативах Союза Благочестия. Он становится членом «Вольного общества распространения училищ по методу взаимного обучения», которое явилось крупнейшей инициативой петербургских участников тайного общества и ближайшего их окружения, преследующей цель открытия народных школ грамоты. Семенов избирается в состав руководящего комитета этого общества. В его обязанности входит непосредственный надзор над материальным обеспечением, ходом занятий и порядком в «образцовой» школе взаимного обучения, открытой «Вольным обществом» в Петербурге. Участвует он и в самом учебном процессе, проводя занятия со «старшими» учениками. Кроме того, Семенов возглавляет полковую ланкастерскую школу в своем Егерском полку. Как и его ближайший товарищ И. Г. Бурцев, Семенов должен быть отнесен к числу наиболее заметных и энергичных распространителей этого просветительского нововведения среди офицеров гвардии.²⁰

В 1822 г., вскоре после решения о закрытии Союза Благочестия и выхода правительственного запрета на участие в тайных обществах, Семенов уходит от активной деятельности в декабристской среде. За период 1823—1824 гг. в распоряжении исследователя нет прямых свидетельств об участии его в декабристских союзах. Но в 1825 г. Семенов вновь оказывается в орбите деятельности тайных обществ. В 1824 г. он выходит в отставку в чине капитана и переезжает в Москву. Здесь он входит в только что сформированную управу Северного общества в Москве, которую создал его давний друг И. Н. Пущин. Несомненно, именно он и вовлек Семенова снова в декабристское общество. В феврале 1825 г. на московской квартире Е. П. Оболенского состоялось собрание членов Московской управы во главе с Пущиным, которое окончательно конституировало ее существование. Среди участников собрания был и «отставной капитан» Семенов.²¹ В это же время из членов Московской управы Северного общества Пущиным создается особое тайное общество «Практический союз». Целью нового объединения ставилось «распространение просвещения и либеральных мыслей». Особенностью его было то, что для членов этого общества «освобождение крестьян и дворовых людей поставлялось за непрременную обязанность».²²

²⁰ Сын Отечества. 1819. Ч. 53. № 14. С. 90—94; № 15. С. 142—144; Греч П. П. Записки о всей жизни. М., Л., 1930. С. 403. О ланкастерских школах и участии в их учреждении деятелей декабристских тайных обществ см.: Ильин П. В. Метод «взаимного обучения» и русское прогрессивное общество (К проблеме просвительства в идеологии и практике либералов 1815—1825 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996.

²¹ ВД. Т. II. М., Л., 1926. С. 214; Т. XX. С. 391.

²² ВД. Т. II. С. 213; Т. XIV. М., 1976. С. 415; Т. XVIII. М., 1984. С. 144—145, 203—204, 246.

Источники свидетельствуют о том, что Семенов не был человеком, лишь вовлеченным в деятельность нового тайного общества. Не был он и пассивным наблюдателем, соглашавшимся с мнением своих близких друзей и товарищей, а практически приступил к мерам, облегчавшим положение его собственных крестьян и дворовых. Согласно сделанным на следствии показаниям Оболенского, Семенов, приняв имение (очевидно, после своей отставки в 1824 г.), «нашел крестьян своих в беднейшем положении. Состояние их столько тронуло его, что он, получая с 500 душ, близ Москвы, около 6000 р. годового дохода, едва издерживал в год 3000, употребляя остальной доход на покупку крестьянам рогатого скота и вообще на улучшение их состояния». Кроме того, он отпустил на волю 15 человек — сыновей бывших слуг своего отца, «дабы участвием детей вознаградить службу отцов».²³

Осенью 1825 г. Семенов подвращается в Петербург и поступает на гражданскую службу в Департамент внешней торговли Министерства финансов. Здесь застал его события 14 декабря и начавшийся затем судебный-следственный процесс. Довольно поздно, только в марте 1826 г., Семенов привлекается к следствию (это было связано с тем, что первоначально его разыскивали в Москве), проведя под арестом на Главной таунтвахте Зимнего дворца около 3 месяцев.²⁴

Следственное дело Семенова опубликовано лишь недавно.²⁵ Документы следствия недвусмысленно свидетельствуют о принадлежности Семенова не только к Союзу Благоденствия, но и к Северному обществу. Оболенский и Пуцин согласно утверждали в своих показаниях, что Семенов участвовал в создании Московского уяравы тайного общества, и первых собраниях «Практического союза», а в ноябре 1825 г., в дни междоусобицы, был извещен Оболенским о намерениях тайного общества воспользоваться благоприятной ситуацией для организации военного выступления. Знал он, по утверждению Оболенского, и о разработанном руководителем заговора конкретном плане выступления 14 декабря, но никакого участия в подготовке мятежа не принимал.²⁶ По словам К. Ф. Рыльева, Семенов был хорошо известен как «давнийший» член тайного общества, а контакты с ним осуществлялись через Оболенского. Пуцин свидетельствовал, что последний раз он был у своего бывшего товарища 11 декабря.²⁷ Надо отметить, что многие об умале восстания и сохранение этой информации в тайне от правительства квалифицировались на процессе как достаточно серьезные вша.

Однако показания, данная Семеновым на следствии, упорное отрицание им показаний основных обвинителей, и прежде всего Оболенского и Пуцина, привели к тому, что выдвинутые против него обвине-

²³ ВД. Т. I. М., Л., 1925. С. 259. Подробнее о малонисследованном тайном обществе «Практический союз» см.: *Пирож Н. В. Деятельность декабристов в Москве (1816—1825 гг.) // Декабристы в Москве: Сб. статей. М., 1963. С. 9—106.*

²⁴ ВД. Т. XX. С. 544—546 (комментарий А. В. Семенов).

²⁵ Там же. С. 383—392.

²⁶ ВД. Т. I. С. 239, 258—259; Т. II. С. 214, 218.

²⁷ ВД. Т. XX. С. 387, 390.

ния были признаны «несоветательными». Решающим моментом следования стали очные ставки Семенова с Пущиным и Оболенским. Продолжая решительно отвергать показания, обвинявшие его в участии в тайном обществе, стремившиеся к изменению политического строя вооруженным способом, и в знании планов заговора, Семенов сумел оправдаться. Он представил свое участие в политической конспирации на протяжении 1818—1822 гг. как кратковременную деятельность в рамках программы Союза Благоденствия, имевшего целью «просвещение и благотворительность»; о политических замыслах, по его утверждению, он никогда не слышал и тем более в них не участвовал.²⁸ Поскольку участники Союза, не вошедшие в более поздние тайные общества, как правило, не преследовались правительством, то и Семенову удалось избежать ответственности. Уже в конце процесса, 2 июня 1826 г., по решению императора он был освобожден и мануцен с «оправдательным аттестатом».²⁹

Освобождение Семенова от наказания тем не менее с точки зрения обвинения следует признать неоправданным. Оно состоялось главным образом благодаря последовательной линии защиты, которой придерживался Семенов на следственном процессе. Большую роль сыграли также отказ Пущина от обвиняющих показаний на очной ставке; показания одного Оболенского были признаны следователями недостаточными для выдвижения обвинений.³⁰ Обращение к материалам следствия показывает, что подлинный характер участия Семенова в тайных обществах остался на следствии непроявленным, а уличающие показания Оболенского и Пущина гораздо ближе к истине, нежели оправдания Семенова. Участие последнего в Северном обществе и его осведомленность о заговоре 14 декабря 1825 г. подтверждаются показаниями целого ряда арестованных. Кроме того, принадлежность Семенова к руководству Союза Благоденствия означает, что он, несомненно, имел отчетливое представление о политических целях тайного общества уже вскоре после своего присоединения к нему.

Известный композитор А. Ф. Львов (брат жены Семенова, Д. Ф. Львовой) писал в своих воспоминаниях, что, зная тесную дружескую связь с некоторыми важнейшими из заговорщиков, в семье ожидали самых тяжелых последствий. После ареста Семенова Львов посетил его в здании Зимнего дворца, разговаривая с арестантом и передавая различные известия. Из воспоминаний Львова следует, что Семенов в особенности опасался показаний Пущина и Оболенского: оба были «крайне его приятели», и именно на очной ставке с ними «должна была решиться его участь». Отказ Пущина от первоначальных уличающих показаний фактически спас Семенова от наказания: «Благородный поступок несчастного Пущина спас Алексея Васильевича; князю

²⁸ Там же. С. 386—387.

²⁹ Там же. С. 546.

³⁰ Вд. Т. XVI. М., 1986. С. 166, 170. О проекции выявленной «инициативы» Семенова см.: Иванц Н. В. Прочтенные декабристы: Участники тайных обществ и военная выступлений 1825—1826 гг., освобожденные от наказания // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 28—29.

Оболенскому не поверили», — заключал А. Ф. Львов.³¹ Характерно, что дочь Семенова, актриса Н. А. Неведомская (1834—1905), сообщила впоследствии в своих воспоминаниях о близких связях отца с главными деятелями заговора 14 декабря, замечая: «Отец мой был декабрист... Как ему удалось быть освобожденным, — нам не было известно, тогда, в николаевское время, все держалось в тайне и разоблачение в этом роде наводило страх».³² В целом можно отметить, что Семенов принадлежал к числу тех декабристов, кто участвовал в деятельности тайных обществ на протяжении всего времени их существования. Он входил в первые тайные общества, в руководство Союза Благочестивия, возглавлял одну из его петербургских урядов. Он состоял в Северном обществе и был прекрасно осведомлен о заговоре 14 декабря 1825 г., будучи тесно связан со своими давними товарищами, руководителями тогоявляющегося выступления — Пуццыным и Оболенским.

Дальнейшая служба Семенова протекала вполне благополучно: он последовательно занимал пост гражданского губернатора Кавказской области (1838—1840), Виленской (1840—1844) и Минской (1846—1850) губерний и, наконец, в конце карьеры стал сенатором (1850). Длительное время Семенов являлся чиновником Министерства финансов, находясь на крупных должностных постах. О том, насколько малоизвестна в широком исследовательском обиходе фигура Семенова как участника общественного движения 1810—1820-х годов, свидетельствует тот факт, что посвященная ему статья в «Советской исторической энциклопедии» не содержит никаких данных о его принадлежности к декабристским союзам.³³ Появление этой статьи обусловлено тем, что в 1859 г. Семенов выпустил в свет итог своего многолетнего труда — трехтомное издание «Исследование исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVIII-го столетия по 1858 год», что сделало его известным как одного из первых экономистов, проследивших динамику развития российской внешней торговли и промышленности на протяжении XVIII—первой половины XIX в. Составление и исследование такого большого свода данных, очевидно, стало возможным благодаря длительной работе автора в Департаменте внешней торговли и Министерстве финансов.³⁴

Каким образом в «каменной книжке», принадлежащей семейству Львовых, появились заметки Семенова? Связи Семенова с этим многочисленным семейством прослеживаются достаточно определено. В ноябре 1825 г., незадолго до событий 14 декабря, он женился на дочери Ф. П. Львова Дарье Федоровне. Однако Семенов, несомненно, не раз посещал гостеприимный дом Львовых и раньше, будучи хорошим зна-

³¹ *Львов А. Ф. Записки // Русский архив. 1884. Кн. 2. № 4. С. 237—238.*

³² *Неведомская (Дитир) Н. А. Очерки моих воспоминаний // Русская старина. 1906. Т. 128. № 12. С. 652.*

³³ *Советская историческая энциклопедия. Т. 12. Петрозаводск—Славянск. М., 1969. С. 730.*

³⁴ Издание включает свод правительственных распоряжений по вопросам торговли и промышленности (Т. 1—2); в третьем томе представлены статистика русской промышленности и торговли за этот период.

комым старших сыновей Львова: измайловского офицера Ильи Федоровича (принятого, согласно ряду показаний, в том числе Оболенского, в Северное общество незадолго до событий 14 декабря¹³) и композитора Алексея Федоровича. Следует предположить, что Семенов, по-видимому, стал «своим» в этой семье уже в начале 1820-х годов. Поэтому неудивительно, что одна из записей в «записной книжке», принадлежавшей семье Львоных, была сделана его рукой.

Запись, принадлежащая Семенову, датируется маргом — августом 1821 г.; предыдущая запись датирована 27 марта 1821 г., следующая за ней снабжена датой 10 августа 1821 г.; сама запись не имеет даты.¹⁴ Весной 1821 г. многочисленный Союз Благочестия был уже распущен, но его петербургские участники продолжали тесное общение в рамках дружеских собраний, в кружках сослуживцев и опирающихся на дружеские связи отдельных конспиративных кружках. В мае 1821 г. Гвардейский корпус был выведен из Петербурга в Западные губернии. Возможно, там и происходил оживленный обмен мнениями по политическим вопросам, который нашел отражение в «записной книжке», перешедшей в руки младшего поколения Львоных.

Текст записи Семенова обнаруживает интерес автора к проблемам взаимоотношений власти и общества, государственного устройства, законодательной системы, сословного строя. Ее основной определяющей мотив — роль просвещенной части общества, называемой автором «истинными сынами Отечества», в подготовке социально-политических преобразований, необходимых для всего общества. Просвещенной частью граждан, стремящейся к «общему благу», к общегосударственной пользе, по мнению автора записи, противостоят люди, «преданные корысти», заинтересованные в произволе власти, который благоприятствует князю «высших мест» управления не по истинным заслугам, а по произволу властителя.¹⁵ Конфликт между этими двумя силами лежит, по мнению автора, прежде всего в сфере правящей. Семенов создает множество тех, кто стремится к «общему благу», их избранность, их цивилизующую по отношению к обществу роль: «Истинных сынов Отечества, для единого блага общественного подвизающихся, немного — но они сильны духом и, следовательно, в усилиях своих столь же тверды и постоянны, сколь неограниченна любовь их к Отечеству...». Их право заниматься политической деятельностью обосновывается насущными общегосударственными задачами, способностью стремящихся к «общему благу» выступать от лица всех «слабых», которые составляют многочисленную часть общества, принадлежащую к непроясненным (непривилегированным) сословиям:

¹³ ИД, т. 1, с. 239, 245, 249.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 608. Оп. 2. Д. 78. Л. 59 об., 62 об.

¹⁵ Распространенность этого противопоставления в либеральной среде подкрепляет запись, принадлежавшая другому лицу, в которой проводится схожее противопоставление — между «благочестивыми», которые «любят общественные блага», и теми, кто стремится к «благу собственному». Последние составляют опору «самовластному правителю» (Там же. Л. 65). Как видим, значительная часть записей в книжке принадлежит политическим единомышленникам.

«...с их желанием согласуется желание большей части граждан, ибо там, где произвол властвует, там угнетение есть единый удел слабого, и закон, долженствующий быть <...> щитом правосудия, есть меч в руках сильного, противу их обращенный. Оба сии разряда ненавидят время, их тяготящее, но один, будучи образован, ненавидя его, в желаниях своих стремится устранить самовластие; другие ж от сего бывают удерживаемы невежеством».

Главное требование Семенова лежит, однако, не в области просветительских задач, а в политико-правовой области — это введение «законов», в пределах которых невозможен произвол: «Благомыслящие граждане желают владычество законно, утверждающее благосостояние общества, — преданные корысти предпочитают произвол, лифтящий их личным выгодам...». Таким образом, «благомыслящая» часть образованного сословия, желающая законов, ограничивающих произвол власти, — это и есть та часть граждан, которая способствует «школе» всего общества. Противостоящий ей лагерь — это те, кто зависит от власти, от тех даров, которые она раздает, и, с точки зрения Семенова, они изначально представляют собой силу, лишённую правственных достоинств: «Люди, не достоинством, но чинами знатные, не собственною честью, но почестями обличенные, в неограниченном произволе видят источник всех благ своих, от него чинствуя свое величие; но хотя самовластие, произвольно располагая богатством и почестями, сими орудиями растлевая дух людей, и может умножить число себе преданных, однако ж рабы, низкие духом, не могли бы защитить его, если б не обретало оно надежной опоры в невежестве большей части подданных, составляющей силу общественную».

Семенов особенно акцентирует мысль, что «самовластие», любое неограниченное правление опирается на «невежество и суеверие»: «...вот щиты неограниченного произвола <...> под тенью коих самовластие, воздвигая престол свой, с высоты его надвигает на народ оковы; всякое потрясение цепей сих тяготит народ — он стонет, но, окруженный мраком, не видит последнего звена, сокрытого в руках самовластителя». Народ в целом выступает пассивной силой, улучшение его положения — задача образованной части общества: «...указать путь к достижению желаемого блага долг есть благомыслящих, убеждая прочих, к чему должны стремиться желания их...». Семенов убежден, что главным способом достижения цели «благомыслящих» — преобразования «самовластного» правления в «законное» — является политическое просвещение. «Формирование общественного мнения, поддержание которого необходимо политическим переменам, избавление от гражданского «невежества» — таковы задачи деятельности просвещенных сторонников перемен: «...сим средством приуготовят они образование общественного мнения и возбуждают единодушие в действиях сограждан».

Вместе с тем, как отмечает автор, историческое развитие и внутренняя организация общества неминуемо приводят к появлению потребности в преодолении «самовластия» и введении «законов», «свободных установлений»: «...усилия самовластия и ему преданных утвер-

дить невежеством, дабы тем отградить беззаконие, останутся тщетны — чтоб пройти невежество, нужно привести народ в усиление благосостоянием, а шовь изобретасным угнетением пробуждают в нем деятельность духа и тем побуждают его искать причину всех зол, им терпимых».

Пути и конкретные способы преобразований, необходимые для преодоления деспотической власти и «невежества» в обществе, представляются Семенову в следующем виде: стремящиеся к «общему благу» готовят «общественное мнение», направленное на поддержку необходимых преобразований, формируя «единодушие» в действиях граждан. «Для исполнения сего необходимым время, нужны твердость и постоянство, но сии свойства заключают в себе люди, действующие не из личной корысти. Поспешность в предприятиях есть свойство, отличающее человека, действующего из личных выгод; сей жаждет скорее насладиться наградою, ему предстоящей, и на пути своем уже извешивает важность оной с усилением для того употребленным; но любящие свое отечество, не ужасаясь обширностью усилий, им предлежащих, не спешат на пути своем, не из малодушия либо страха, но опасаясь равновременное покушением провешивать вред вместо блага предкашаемого». «Равновременное покушение», «поспешность в предприятиях» в глазах автора, таким образом, — одна из главных угроз на пути реализации намерений сторонников обновления. Несомненно, здесь подразумеваются революции и политические перевороты, происходившие в Европе на протяжении последних десятилетий и приносявшие к себе политических честолюбцев, безразветленных людей, вследствие чего очень часто не достигались те цели, ради которых они задумывались и готовились.

Таково содержание повонайденной записки члена Союза Благодетельства А. В. Семенова. Она отражает политическое мировоззрение либерально мыслящей части русского общества, сторонников введения в России законодательно оформленного конституционного строя. И поскольку эта записка принадлежит одному из видных участников декабристских обществ, она может рассматриваться как оригинальное свидетельство о взглядах представителей «декабристского либерализма» рубежа 1810—1820-х годов.

При анализе данной записки прежде всего обращает на себя внимание использование терминов, слов и отдельных выражений, свойственных в целом декабристской среде. Характерным примером служит выражение, примененное автором для обозначения своих единомышленников — «истинные сыны Отечества»: напомним, что первое декабристское тайное общество Союз Спасения имело и другое название — «Общество истинных и первых сынов Отечества». Таким образом, данная формула служила самоназванием либерально настроенной части русского общества, в том числе объединенной в конспиративные организации. Другим весьма характерным понятием, распространенным в среде либералов начала XIX в., является «общее благо», «польза общая» — цель, которую провозглашали сторонники преобразований, обосновывая правомочность своей политической деятель-

ности. Об этой цели говорит в своей записи и Семенов. Понятие «общее благо» — одно из центральных в публицистике и программных документах Союза Благоденствия. Способствовать формированию «общего мнения» политически просвещенных граждан, устремленных к «благу» всего общества, — об этом говорилось в уставе Союза Благоденствия; в нем только исключалась политическая составляющая (неприятие неограниченного, «произвольного» правления).¹⁸ В записи Семенова фактически обоснована та же задача, причем побудительные мотивы и направления политической деятельности переданы почти в том же смысле, что и в уставе Союза. Несомненно, что это показывает укорененность автора записи в среде либералов, соиздавшие его убеждений с основными положениями программы Союза Благоденствия, его стремление пропагандировать положения устава тайного общества и, наконец, воздействие на автора постоянных контактов с другими членами декабристского тайного общества.

В рассматриваемой записи видна просветительская основа политических убеждений Семенова. Концепты просветительского мировоззрения проявились едва ли не во всех приведенных высказываниях автора: здесь и просветительские задачи деятельности «благомыслящих» граждан, и выделенные им главные основы «слабоумия» — «невежество» и «суеверие», и взгляд на характер и причины «угнетения», которому подвергается при деспотической форме правления большинство граждан. Сущность деятельности просвещенных «благомыслящих» — постепенное образование значительной части сограждан — также следует традиционной просветительской модели общественной деятельности.

Но просветительское мировоззрение автора записи сочетается с актуальными либеральными политическими идеями и представлениями о задачах и способах деятельности, которые получили распространение в первые десятилетия XIX в. Либерализм начала XIX в. отразился в записях Семенова не только в выдвинутом им требовании введения «законов» как главной цели для стремящихся к «общему благу» — законопов, которые поставят неизменяемые правила, ограничивающие произвол правителя. Либеральный характер политического мировоззрения Семенова заметен и в той части записи, которая содержит его размышления о тактических задачах деятельности просвещенных граждан для достижения желаемых ими целей. В особенности нужно отметить отчетливо проявившееся опасение автора в отношении быст-

¹⁸ См. формулировку задач и основных направлений деятельности в программном документе декабристского тайного общества. Устав Союза Благоденствия // Избранные сочинения-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 239—243. Записки Семенова по содержанию особенно близко сведущее положение устава, в котором и ставится задача членом Союза по возрасту Образованства: «Он (Союз. — И. И.) покажет неразрывную связь добродетели <...> народа с его благоденствием и употребляет все усилия к искоренению пороков <...> особенно предпочтения личным надобностям общественным... Служит, прощаясь всех насчет на общинностей, старается приобщить все сословия <...> дабы из общего народного мнения создать истинное правительственное судилище, которое <...> довершило бы образование добрых нравов и тем положило прочную и непоколебимую основу благоденствия...» (С. 243).

рых и радикальных способов решений («рановременных покушений»), которые для него подразумевают личную пользу их устроителей, достижение не «общей пользы», а привилегий, связанных с захватом власти заговорщиками. Преждевременность переворотов автор оценивает, исходя из требований многообразной просветительской деятельности, которая должна предвзреть реформы и способствовать их проведению в жизнь. Мнение Семенова опирается на исторический опыт политических переворотов предшествующих десятилетий, прежде всего Французской революции с ее многочисленными и радикальными политическими переменами, якобинской диктатурой, а также событий последующего времени.

Автор — сторонник постепенных мер, просветительской программы действий, формирования «единодушного» общественного мнения, совершенствования законов, постепенного оформления гражданского строя, последовательного преодоления одиозных проявлений деспотизма и «рабства». Неприятие радикальных и быстрых способов преобразований, насильственных путей социально-политических изменений свойственно либеральному мировоззрению. Это, однако, не означает, что либералы не стремились к существенным изменениям политического и социального строя; речь шла о путях и способах проведения такого рода изменений. Не вызывает сомнений общая направленность тех преобразований, которые имелись в виду автором записки. Семенов неходит из необходимости коренных социально-политических изменений, прямо затрагивающих самодержавную форму правления и важнейшие социальные институты. Наиболее решительно он выступает против влияния на общественное мнение своих оппонентов — апологетов неограниченного самодержавного правления, традиционно заинтересованных в произвольных решениях, «моуотреблениях, «угнетении».

Как видим, для Семенова главным препятствием в преобразовании общественного устройства является произвольное деспотическое правление, заинтересованное в «невеществе» и «сеуенерии» и не опирающееся на «законы». Самодержавная монархия, но систематизации Ш.-Л. Монтескье, ограничена традиционным правом и законами, которые выработаны самим монархом. В этом смысле она отличается от деспотического правления, которое не ограничивается законами или не считается с ними.⁷⁹ Весьма характерным дополнением к системе взглядов, отраженной в записке Семенова, является следующая записка, занесенная в книжку и принадлежащая уже другому лицу (возможно, одному из представителей семьи Львовых). По мысли ее автора, «монархическое правление» означает произвольное правление, даже если

⁷⁹ Ср. сходный взгляд на форму правления, иложенный в сочинении другого авторского участника Союза Благодетеля, литератора и публициста Н. И. Кутузова «О причинах благодетельства и величии народов», опубликованном в журнале «Сын Отечества» в 1820 г. См.: *Иван И. В. Из истории либеральной публицистики 1810–1820-х гг.*: Н. И. Кутузов и его статьи «О причинах благодетельства и величии народов» // *Общество и власть: Межвузовский сб. научных трудов*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 109.

существуют некие законные формы, в которые облечены нормы традиционного права: «Что такое монархическое правление? Говорят, что такое правление называется [так] потому, что государь правит по законам. Неужели люди не примечают, что такого правления в существе нет на свете? И вот почему: между народом и государем власть никогда ровно разделиться не может. Умножение власти с одной стороны перевешивает другую; и выгода всегда останется на стороне государя... Следовательно, правление монархическое есть правление самовластное».⁴⁰ Эти мысли прямо соответствуют тем поправкам к классификации Ш.-Л. Монтескье, которые внес один из теоретиков либерализма А.-Л.-К. Детьо де Траси.⁴¹ Данную запись следует считать одним из итогов размышлений и споров, проходивших в том же кругу близких по взглядам людей, к которому принадлежал и Семенов.

В построениях либеральных политических мыслителей начала XIX в. «законы» выступают гарантом защиты от произвольных решений. Но мысль о том, что законы могут быть использованы и во вред — при сохранении основ деспотического правления, мысль о несовершенстве общественных институтов и особой роли общества в их совершенствовании, служит очевидным признаком изменений первоначального комплекса идей Просвещения в мировоззрении автора, влияния на него сочинений творцов либеральных концепций начала XIX в.: Б. Константа, Ж. де Стяля, А.-Л.-К. Детьо де Траси.⁴² Запись Семенова обнаруживает его приверженность именно этой системе взглядов.

Еще одно важнейшее требование политической программы либералов начала XIX в. — введение представительной системы, основополагающего элемента нового политического устройства государства — прямо не формулируется в рассматриваемой записи. Однако это требование составляет логическое следствие, вытекающее из необходимости ограничения «произвольного» правления и его коренного реформирования с помощью введения «законов».

⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 608. Оп. 2. Л. 78. Л. 62 об.

⁴¹ Видеяди А.-Л.-К. Детьо де Траси, и помещенные в его труде «Комментарии к „Духу законов“ Монтескье», вышедшем в русском переводе в апреле 1821 г. (французское издание было опубликовано в 1819 г.), оказали большое влияние на русских либералов первой четверти XIX в. Этот автор видоизменял систематизацию форм правления, введенную Монтескье (деспотия — монархия — республика), в духе новизны либерального политического сознания, выразившего в себя опыт новейших революционных событий. Детьо де Траси считал, что монархия и деспотия — варианты одной формы правления: «Деспотизм есть истинная монархия, и другой монархии не бывает. Поэтому тот, кто говорит о монархии умеренной или отграниченной, где одному человеку не принадлежит все виды власти <...> говорит о монархии, которая не является на самом деле монархией...»; деспотизм есть лишь злоупотребление в рамках этой формы правления (цит. по: *Нарцисов В. С. Декабристы и французский либерализм*. М., 2001. С. 185). Наиболее совершенным политическим устройством Детьо де Траси считал представительную систему, и этот взгляд был широко распространен среди российских либералов (Там же. С. 179—187).

⁴² Подробнее об этом см.: *Нарцисов В. С. Декабристы и французский либерализм*. С. 24—87.

С нашедшими отражение в записи Семенова политическими воззрениями вполне согласуется известная в исторической литературе его практическая деятельность как участника декабристских обществ. Как уже отмечалось, вступив весной 1825 г. в «Практический союз» и получив в управление имение, Семенов занялся агрономией, усовершенствованном помещичьем хозяйством, улучшением благосостояния крестьян. Не оставил он этих занятий и впоследствии.⁴³

Наблюдения, сделанные при анализе записей, принадлежащей Семенову, показывают, что, вопреки утверждениям, которые делались многими членами Союза Благочестия в условиях следственного процесса — об исключительно благотворительном и просветительском характере тайного общества, с заданной просветительской работы был самым прямым и тесным образом связан круг политических вопросов. Именно он в действительности определял задачи той деятельности, о которой говорилось в уставе Союза Благочестия. Фактически она имела своей целью консолидацию сторонников либеральных преобразований, формирование общественного мнения в пользу коренных политических и социальных перемен. Встречающиеся в следственных показаниях утверждения об исключительно практическо-просветительской цели тайных обществ 1816—1821 гг. являются лишь приемом, чтобы ослабить свою «вину». В действительности — о чем наглядно свидетельствует анализируемый источник — во взглядах участников Союза вполне отчетливо звучала политическая составляющая, прежде всего — неприятие «самовластия», неограниченного правления; за этим неприятием угадываются требования «непременного» (неизменяемого) законодательства, введения Конституции, представительной системы, проведения реформ в государственном управлении. Обращают на себя внимание и слова об «утишении», которое испытывает при «самовластном» правлении «большая часть» населения; для автора, как представляется, была очевидной необходимость, если не отмены крестьянского закрепощения, то коренного изменения правового положения «низших сословий».

Вместе с тем изложенные в записи Семенова основы политического мировоззрения и общая программа практической деятельности либералов не позволяют говорить о политическом радикализме участников тайных обществ — единомышленников автора. Отраженные в записи Семенова система взглядов и программа практической деятельности не дают оснований для подкрепления распространенного в отечественной историографии представления о «революционности» Союза Благочестия, радикальном характере политической («сокровенной») цели декабристского тайного общества.⁴⁴ Отметим, что Се-

⁴³ Чудков Н. П. Москва и декабристы // *Декабристы в их время*. М., 1932. Т. 2. С. 307—308. Согласно показаниям А. А. Бестужева, Семенов «был всегда человек мирных правил и только душил об агрономии» (ВД. Т. XX. С. 386).

⁴⁴ См.: *Петкина М. В. Движение декабристов*. Т. 1; *Семенов А. В. Тайное общество декабристов «Союз Благочестия»: Автореф. дис. ... докт. ист. наук*. М., 1990. Следует отметить, что исследователи, специально изучавшие либеральные и просветительские

менов — один из типичных представителей «декабристского движения» 1810-х—начала 1820-х годов. Анализируемая записка, отраженная в краткой, но емкой форме политическое мировоззрение Семенова, позволяет увидеть в нем убежденного последователя либеральных теорий первых десятилетий XIX в., противника насильственных переворотов, сторонника последовательной просветительской работы, постепенной подготовки государства и общества к коренным преобразованиям политического строя, реформированию основных социальных институтов.

Запись Семенова и «записной книжке», принадлежащей семейству Львовых, имеет характер сжатого, лаконичного изложения системы взглядов и программы деятельности сторонников либеральных преобразований в русском обществе рубежа 1810-х—1820-х годов. Это один из немногих дошедших до нас такого рода памятников. Его значение заключается не только в том, что сохранилось число такого рода свидетельств крайне невелико, но — в еще большей степени — в видных особенностях этого источника и обстоятельствах его происхождения.

Благоприятным моментом для научной критики анализируемого источника можно считать тот факт, что запись Семенова сохранилась в составе «записной книжки», в которой фиксировались мнения политического характера, включались выписки из политических статей и книг политической и политико-правовой тематики. Откровенный характер целого ряда записей свидетельствует о достаточно адекватной передаче взглядов их авторов, в силу чего следует признать высокую степень достоверности анализируемого источника. Принадлежавшая друзьям Семенова, вошедшим в его родственное окружение, эта «записная книжка» представляет собой уникальный источник для характеристики взглядов российских либералов 1810-х—начала 1820-х годов.

Таким образом, значение вновь обнаруженной записи декабриста А. В. Семенова как исторического документа основывается на видных особенностях источника. Являясь письменной фиксацией размышлений о задачах и конкретной программе практических действий либералов, результатом длительного обмена мнениями в кругу единомышленников и близких по взглядам людей, состоявших в декабристских тайных обществах или непосредственно принимавших к ним, она заключает в себе своеобразное *stato* просвещенного сторонника либеральных преобразований начала 1820-х годов.

элементы политических взглядов членов Союза Благоденствия (В. В. Путичев, С. С. Ланда), тем не менее исходили из приятия радикальных основ программы тайных обществ 1810-х годов. См., например: *Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825.* М., 1975. С. 79—97.

SUMMARY

The article deals with one of the notes in the notebook, which has survived in the collection of I. V. Pomyalovskiy, professor of the St. Petersburg University. This notebook belonged to the family of F. P. L'vov, a high-ranking official, who was close to M. M. Speranskiy and who was also a well-known musician and literary man. The author of the note is identified as A. V. Semyonov, participant of the Decembrist privy societies: the Welfare Union (*Soyuz Blagodenstva*) and the Northern Society; he managed to avoid punishment after the investigation process of 1825—1826. The notes are dated according to the sequence of their appearance in the notebook. The article offers an appraisal of A. V. Semyonov's political attitudes, which were reflected in the notes, it estimates its importance as a historical document, which makes it possible to view it as a valuable testimony, reproducing characteristic traits of the world outlook by representatives of the whole trend in the Russian society of the 1810s and 1820s — advocates of political enlightenment and of carrying out liberal reforms. The study includes also a description of the notebook and some observations over the biography of A. V. Semyonov.